

РАССКАЗЫ

«ТИТАНИК»

Я бродил по сырым, темным улицам Манхэттена. Для меня это был отдых. Работал я тогда в маленьком ирландском баре на Лексингтон-авеню. В этот бар, несмотря на всю его ирландскость, ирландцы никогда не заглядывали. Индусы, немцы, поляки — пожалуйста, а ирландцы — никогда. Вымотанный бесконечной беготней между столиками бара, я, нагруженный звенящей грудой чаевых, в конце рабочего дня выжимал футболку, снимал с нее бейджик и вешал на полотенцесушитель в служебном туалете, надеясь в бар больше никогда не возвращаться. Но это была мечта, не более. Я возвращался туда снова и снова, послушно выжимая футболку, мысленно чертыхаясь и проклиная судьбу очередного выскочки, возмнившего себя покорителем Нью-Йорка. Мне нужны были деньги, чтобы на будущий год поступить в университет.

Теряясь в бесконечных сетках аптауна, я учился выживанию у толстых, мохнатых крыс, так похожих на любимых вездесущих воробьев, оставленных в памяти о родной стране. Крысы не замечали меня, вальяжно разгуливая среди спрессованных куч уличного мусора. Я, признаться, тоже любил разглядывать эти кучи, рассказывающие о жизни города лучше, чем любой путеводитель. Здесь мой уставший глаз снова обострялся и находил совершенно уникальные вещи, такие, как стопки утренних газет с социальной рекламой о вреде наркотиков, недопитые бутылки дорогого виски, груды детской одежды, парики, маникюрные ножницы с тупым лезвием, разноцветные использованные зажигалки, китайские шлепанцы, домашние растения в кадках... Мне попадались даже деньги, и я, опьяненный таким внезапным подарком города, хватал купюры, клал их в карман и бежал в ближайший парк, где, пересчитывая их, только тогда обнаруживал, что это — подделка. Тогда я разрывал бумажки на мелкие кусочки и кидал в мусорное ведро, чтобы никто больше не попадался на розыгрыш ночного мегаполиса.

Я любил пасмурные времена, когда низкий мокрый туман опускался между небоскребами, скрывая их стеклянные тела, и люди, выражая протест погоде, уходили в свои жилища и запирались в них. Тогда улицы напоминали декорации большого спектакля перед премьерным показом: актеры разбрелись по гримеркам, а зрителей вот-вот пустят в зал.

Таким был тот февраль, когда я шел по Пятьдесят Девятой стрит к Восьмой авеню, чтобы выйти к станции сабвея и укатить на ночном поезде в Бруклин. Редкие

Илья Прозоров — эстонский русский писатель, преподаватель литературы. Родился в 1987 году в Таллине (Эстония). Живет и работает там же. Учится на факультете славистики Таллинского университета. Лауреат литературной премии им. Марка Алданова (2019, второе место за повесть «Ди-трейн»). Номинация на литературную премию «Kultuurkapital» за рассказ «P. S.». Номинация на литературную премию Таллинского университета. Печатался на русском и эстонском языках в журналах: «Müürileht» (Эстония), «Vikerkaar» (Эстония), «Looming» (Эстония), «Värske Rõhk» (Эстония), «Вышгород» (Эстония), «Новый журнал» (США), «Чайка» (США), «Звезда» (Россия).

такси проплывали желтыми пятнами по бетонным улицам. Мелкой моросью напоминал о себе дождь. В соседнем квартале завывала полицейская сирена. Потом к ней подключилась «скорая помощь». Споря друг с другом и не находя унисона, они так и кричали вразлад, пока не умчались по бескрайним магистралям в преступную реальность города, невидимую обывательскому глазу, и не умолкли там. Иногда попадались красивые и некрасивые женщины с разной степенью мейкапа. Одеты они были так, что составили бы серьезную конкуренцию модницам из Трайбеки. Женщины много курили и извергали матерные слова, приглашая случайных прохожих насладиться их опытом. Мне они подобного не предлагали ни разу, не замечая меня вовсе, словно я привидение. Может, я и казался невидимым, но мне так было даже лучше, ведь ночной Нью-Йорк — это минное поле, таящее в себе кучу проблем, даже если ты просто вышел в ближайший магазин за стиральным порошком или бутылкой калифорнийского вина. Это тропа вечной борьбы за выживание.

Иногда сотрясался тротуар, под которым бежал ночной экспресс до Бронкса. Я шел и шел, подсматривая в теплых окнах человеческую возню, и мысленно представлял, в каком из них я желал бы сейчас оказаться. Таких было немало, ведь мой эмигрантский быт напоминал пещерный. Я старался сократить до минимума время пребывания в квартире, где снимал комнату за смешные для Бруклина деньги. Я не имел ни малейшей возможности уединения, потому приходил домой далеко за полночь и убегал рано утром, мотаясь еще несколько часов по торговым центрам перед работой, чтобы только не видеть дотошных хозяев квартиры. Вот я и мечтал о маленькой, но теплой комнатке с зеленым абажуром, спрятанной здесь, в черной пасти Манхэттена.

На углу Пятьдесят Девятой улицы и Парк-авеню я машинально остановился на красной ладони светофора. Здесь улицы пошире, и меня сразу обдало потоком холодного воздуха, что для вечернего аптауна — редкость. Узкие ручейки грязной воды резво бежали вдоль тротуаров, подхватывая на ходу мелкий мусор, и терялись в решетках ливне-стоков. Они мне напомнили сон, одолевавший меня последние два месяца: будто плыву я на огромном океанском лайнере через широкий пролив, и вижу родную землю, которую оставляю, и плачу, глядя на очертания города, где родился. Лайнер, пытаясь четыремья оранжевыми трубами, маневрирует в гавани и пытается встать на курс. Я вижу, как подрываются на подводных минах катера и яхты ни в чем не повинных людей, пытающихся убежать из объятых неприятельским огнем города. Кругом крики и плач, ругань и мордобой за место в шлюпке, лодке, на плоту. Мой родной город занял неприятель. Этот неприятель никак себя не обозначает, но подсознание подсказывает, что подобное здесь уже случалось, — в начале двадцатого века. Понимая, что город пал, я тоже начинаю плакать. Я бегаю по палубе в попытке что-либо предпринять, но моя беготня — мертвому припарка. Хлопки, взрывы, пулеметная очередь доносятся из города. Вдалеке я вижу набережную, по которой гулял с девушками, целовал их там и угощал дешевым вином, выдавая его за каберне десятилетней выдержки. Теперь этого ничего не будет — я бегу в неизвестную страну, спасаясь от неприятеля. И одет я странно: черная фетровая шляпа, пальто, зонтик и чемодан с наклейками, словно я — эмигрант первой волны. На лайнере не видно других пассажиров. Оказывается, я на нем один, даже экипаж пропал. Бегаю и бегаю по палубе от одного борта к другому. Дергаю за латунную ручку двери, пытаюсь проникнуть в салон, но они будто заварены изнутри. От неведения у меня кружится голова, меня тошнит. Я хочу закричать, позвать на помощь, но рот не открывается: губы склеены мастикой. Пытаюсь открыть чемодан, чтобы посмотреть его содержимое. Но и он, подобно дверям, словно заварен изнутри. Небо заволакивают черные облака. Горизонт сверкает: или это зарницы, или далекий бой, — я уже не способен думать что-либо. Я слышу последний, отчаянный

крик женщины у себя над ухом. И падаю замертво. Потом вижу себя в открытом океане, одного и грустного, глядящего вдаль. Я сижу в позе лотоса на дубовых палубных досках, и мои волосы, длинные и густые, развеваются на океанском ветру. Фетровая шляпа лежит рядом, как спящий щенок. Зонта нет, а вот чемодан открыт, и в нем обилие еды: жареные куриные ножки, картошка по-деревенски, помидоры, огурцы, ломтики черного хлеба и бутылка воды. Стало быть, я еще не умер, — я еще жив благодаря пище. Да и руки у меня бархатные, с кожей, какую я отродясь не носил. Все спокойно вокруг и спокойно на душе. Я хочу подняться, чтобы пройти по палубе и размять ноги, но в этот момент звучит страшный гудок лайнера, который сокрушает меня, и я падаю в бездну. Тогда я просыпаюсь и вижу облезлый потолок бруклинской квартиры. Вот я и дома...

Сложив руки лодочкой, я опустил их в бегущую воду, зачерпнул немного и поднес к лицу. Вода пахнет гнилыми листьями и бензином. Да, думаю, именно так и должна пахнуть вода большого города. Вместе с этой проплывшей в голове мыслью у тротуара остановилось такси. Оно долго стояло, только голова таксиста в салоне то поворачивалась назад, то снова глядела вперед. Обычная картина для Нью-Йорка, но я почему-то стоял и ждал какого-то продолжения. Из темноты пассажирского кресла протянулась белая рука с мятой купюрой. Таксист, не глядя на руку, шустро выхватил из нее доллары и положил в нагрудный карман. Они все так делают, я знаю. За год жизни в этом городе я лишь однажды воспользовался такси, и то по глупости: напился с подругой, приехавшей покорять его, и не нашел ничего умнее, как рвануть из Квинса в Бруклин на тачке, — я тогда был наказан сотней баксов. И вот сотню баксов таксист так же выхватил из моей руки, как и сейчас из чужой, чертов ловкач. Все они тут ловкачи, это вообще — город ловкачей. Может быть, всех таксистов Нью-Йорка производит на свет одна и та же женщина?

Дверь желтого «форда» открылась, и из него на мокрый тротуар ступил человек небольшого роста, обычной совершенно наружности, с детским лицом и оттопыренными ушами. В руках у него были зонт и чемодан, на голове изящная шляпа. Ах ты, с... сын, подумал я, ведь ты тот самый эмигрантишка из моего сна. В этом городе я привык больше ничему не удивляться. Человек бросил на меня случайный взгляд и пошел мимо в неизвестном направлении. Ладно, подумаешь — совпадение. Я пошел дальше, к станции сабвея. Но буквально через полсотни метров я услышал за спиной щелчки, словно кто-то играл на кастаньетах. Повернув голову, я увидел человека в фетровой шляпе, семенящего мелкими шажками за мной.

— Извините, — произнес он на ломаном английском, задыхаясь от бега. — Извините, вы не подскажете, где здесь можно перекусить?

Я сразу услышал по акценту, что с ним мы можем говорить на ином языке.

— Честно, не знаю, — честно ответил я по-русски.

— Я сразу понял, что вы русский, — улыбнулся человек и протянул мне руку. — Алекс, очень приятно!

Я протянул руку в ответ и назвал свое имя.

— Очень интересно. Так вы не знаете, где здесь можно поесть? А то на месте моего ресторанчика уже прачечная, — не унимался он.

Ну что я мог ему посоветовать? Только дешевую забегаловку в Бруклине. Мой бюджет не позволял ходить по ресторанам, и я боялся даже смотреть в их сторону, дабы не искушать свой вечно голодный эмигрантский организм. Приехав сюда, я стал меньше есть и меньше думать о еде, потому что еда — не лучший друг вашего бюджета. Мое меню было предельно простым, его даже пятилетний ребенок мог бы выучить за полминуты: вода, макароны, хлеб и яблоки. Так я питался последний год и готов был

питаться всю оставшуюся жизнь. Приходя в супермаркет, я наизусть знал расположение нужных мне продуктов, чтобы быстро пройти к ним, не отвлекаясь на сочные красные яблоки, на бананы и свежие окорока, которые смеялись надо мной с полок и показывали на меня пальцем, выкрикивая обидные слова. Даже продукты надо мной смеются, думал я, надо поменять магазин. И так везде: куда бы я ни приходил, всюду ощущал на себе осуждающий взгляд с полок.

— Я, — обратился я к нему, — не хожу по ресторанам. Финансы не позволяют.

— Понимаю, понимаю, — ответил он и опять улыбнулся. — Можешь меня называть на «ты».

Глазами он стал искать подобие ресторана, цепляясь за любую горящую вывеску. Его голова смешно крутилась вокруг своей оси, как у филина.

— Вижу, — обрадовался он, увидев вдалеке, на другой стороне Парк-авеню, небольшой ресторанчик. — Знаешь что, — сказал он, дернув меня за рукав куртки, — пойдем со мной. Я тебя угощаю, черт возьми. Я последний день в этом дерьмовом городе, и я безумно счастлив, что делаю отсюда ноги. Ну что, ты со мной?

Порыв был искренен, я уже умел отличать фальшь от правды, потому и согласился. Ресторанчик был открыт.

— Наконец-то поем, — обрадовался Алекс, вешая пальто на деревянную вешалку, — а то целый день только черный кофе. Скоро кишки свернутся от него.

Я открыл меню. Оттуда посыпались итальянские пиццы, салаты и вино.

— Я ничего не понимаю в еде, — заметил я. — И в вине тоже.

— И не надо, — сказал Алекс и громко щелкнул пальцами, подзывая официанта. — Я все устрою.

Официант Костя, как оказалось, тоже русский, быстро подсуетился и украсил наш стол двумя порциями спагетти и ломтиками бледного фокаччо. Последнее мне на вкус напомнило резиновый привокзальный лаваш пятидневной давности. К еде Костя принес бутылку «Рапидо» за двадцать долларов. Я на двадцатку неделю живу, подумал я, а тут только за бутылку выбрасывают. Да цена этому вину от силы семь баксов в любом пропахшем бомжами алкогольном магазине Бруклина. Я хотел сказать это Алексу, но не сказал. И я, по правде говоря, жрать хотел больше, чем разговаривать, и халяве, по счастливой случайности упавшей на меня, был неслыханно рад, потому что мелочился и экономил по-страшному, запутываясь в бытовых проблемах этого города, растущих не по дням, а по часам. Да, конечно, меня мучила совесть, кричала и металась душа, дескать, я такой-сякой халявщик. Но я пытался выковырять душу из себя и навсегда освободиться от нее, потому что душа эмигранту — не лучшая подруга. Душа для эмигранта как прыщ на лбу. Зато работа затаптывала душу, как маленькую девочку. Бегаю шестеркой между столиками в баре, я забывал о душе, она во мне в эти мгновения засыпала. И я превращался в робота, движущегося по заданной траектории, без права на человеческое существование. Я ощущал себя в лапах несущей меня вниз по течению судьбы и особо не сопротивлялся. Мне надоело сопротивляться. Всю жизнь я сопротивлялся, и что толку? Радости не прибавилось, легкости бытия — тоже. И теперь я тут, в центре земного шара, попиваю дешманский «Рапидо» и кушаю резиновое фокаччо. Какая разница, где страдать: дома или на чужбине.

— Давно в Нью-Йорке? — спросил Алекс.

— Год.

— Работаете тут недалеко, — сказал он и задумчиво посмотрел в витрину, по которой растекались разноцветные капли города. — Деньги собираешь на университет, в следующем году мечтаешь поступить!

— Точно так, — ответил я, ни капли не потрясенный подобным предсказанием; но для приличия все же спросил: — Откуда тебе это известно?

— Это стандартная схема для любого эмигранта, — воскликнул он. — Сам ты откуда?
— Из Эстонии.

Собеседник задумался. По его лицу, сморщенному и зажеванному складками, расплывалось название моей родной страны, которое он слышал раза два в жизни, в этом не было никаких сомнений. В голове Алекса крутился сейчас глобус, состоящий только из двух стран: его родной и Америки, между которыми была пропасть в географических знаниях. Эмигрант других стран знать не обязан.

— Не помню, где такая страна находится, — сдался он и, махнув рукой, весело зачавкал карбонарой. — Ладно, неважно.

Я и не настаивал. За последний год я устал объяснять людям, где находится моя родина. Проще сказать, что я с Марса или Юпитера.

— А чего не спрашиваешь, откуда я? — спросил вдруг Алекс и испытующе на меня посмотрел.

— Откуда ты?

— Из Бруклина, — засмеялся он, оскалив свои желтые гнилые зубы. — На самом деле я сюда приехал из Смоленска. Слышал о таком?

— Типа город-герой, — неуверенно произнес я.

— Да-да, тот самый город-герой, мать его. Вот туда я и возвращаюсь!

— Не страшно? — спросил я.

— Чего страшно?

— Ну, возвращаться!

— Э, братец, — протянул Алекс и даже вилку бросил на стол. — Ты подожди, скоро и к тебе придет!

— Что придет? — не понял я.

— Ностальгия.

Кое-что о ностальгии, конечно, у меня уже имелось. Многие рассказывали, что приходит она медленно и, как страшная болезнь, постепенно овладевает человеком. Все относились к ностальгии уважительно и почтительно, многие боялись ее и семенили перед ней, словно провинились в чем-то или задолжали ей порядочно. Я иногда вспоминал родной город, школьные годы и юные, нежные тела подруг. Но все это быстро исчезало, когда вставал вопрос еды. Проблемы всегда здесь помогают отвлечься от ностальгии. Обо всем этом я Алексу и поведал.

— Ерунда, — бросил он. — Все это — ерунда. — Ты на «Титанике» уже плавал? — посмотрел он на меня холодными, сверкающими глазами.

— На «Титанике»?

— Да, на «Титанике».

Вот тут мне стало неприятно, противно, словно Алекс залез мне в черепную коробку, вытащил оттуда мозг и, разрезав его на мелкие кусочки, подробно изучил каждый под лупой.

— Нет, не плавал, — соврал я, уже понимая, о чем речь.

Алекс потерял руки в предвкушении интересного рассказа, перевалился через стол, собрав на галстук все крошки, и полушепотом рассказал мне содержание моего сна с ювелирной точностью. У него только содержимое чемодана отличалось: вместо воды была водка, а вместо макарон греча. Чемодан он прозвал «сухпайком эмигранта».

— Вот такой сон, — в заключение сказал Алекс, — и есть первый приход ностальгии. Ты этот сон начинаешь видеть все чаще и чаще. А потом он, как грипп, тебя сжирает.

— Как гриб?

— Нет, грипп. Грипп! — прикрикнул он.

— Хорошо, — сказал я, скрывая волнение. — Тогда зачем ты вырядился, как герой твоего сна?

— Да потому, что это — традиция, которую нарушать нельзя.

Алекс схватил бутылку и налил себе еще вина. Но пить не стал, а повертев стакан в руках и глядя в его содержимое, искал там истину, чтобы мне все это казалось невероятно философским, загадочным и тонким. Я до сих пор не верил, что сны могут так совпадать. Огромный мегаполис сделал меня параноиком, и я думал, что Алекс послан ко мне не просто так. Хотя, с другой стороны, кому я нужен, когда в одном только Бруклине таких, как я, миллионы. Я прокручивал в голове минувший год, но не находил даже намека на противоправные действия со своей стороны. Нет, конечно, раз пять я в сабвей без билета прошел. Но разве будут снаряжать детектива, чтобы поймать бедного эмигрантишку в дырявых носках за безбилетный проезд? Так я себя успокаивал, сидя за квадратным столом итальянского ресторана с неизвестным сумасшедшим, бегущим от реальности в родной Смоленск.

— Я тебе скажу так, — продолжал Алекс. — Ты ничего сделать не сможешь, ты все равно рано или поздно увидишь полыхающую отчизну и свалишь из нее на «Титанике».

— И что тогда? — поинтересовался я.

— Будешь на моем месте.

— Почему ты решил, — спросил я его, — что я обязательно буду на твоём месте?

— Рожа подходящая, — засмеялся Алекс гнилым ртом.

— Что с моей рожей не так? — перебил я его. Меня все это начинало доставать, да и стакан вина вконец разморил меня.

— Глаза, братец, — прошептал Алекс. — Они тебя выдают. Слишком мало огня для этого города.

— У вас его, типа, много? — попытался я обидеть его фамильярностью.

— Нет. Вот и уезжаю, что нет его у меня.

Он наконец-то осушил стакан. В ресторан зашла унылая пара, похожая на приговоренных к смертной казни: оба пребывали как будто в невесомости, смотря перед собой пустыми глазами. Вот, подумал я, такой точно взгляд у меня, надо проверить.

— Я отойду в туалет, — сказал я Алексу и встал из-за стола, прихватив лежащий на красной клетчатой скатерти телефон.

В туалете мигала лампочка, словно звала о помощи. Подойдя к зеркалу, я увидел себя обычного: уставшего и облезлого, с красными от недосыпа глазами. Довольный, я вернулся назад к столу.

— В Смоленск ты тоже на «Титанике» поплывешь?

— Ага, пешком пойду по воде. Давай лучше выпьем!

Выпили. Бутылка опустела, и к ней потеряли интерес, как к использованной проститутке. Унылая пара возлюбленных нашла себе место у вешалки, где оставил плащ и шляпу мой собеседник. Комбинация одежды на вешалке создавала иллюзию живого человека. Меня даже передернуло от этой мысли.

— И что означает сон? — допытывался я; мне необходимо было знать, к чему готовиться в будущем.

— Что пора сваливать домой, — ответил молниеносно Алекс, точно был готов к вопросу заранее.

Неужели так рано, не успев даже в университет поступить, мне придется бросить великий, страшный и беспокойный город, приютивший мое здоровое тело и мою опустевшую душу? Мне же здесь так хорошо! Нет, я не намерен отсюда сваливать. Здесь я построю свой новый дом, здесь я стану счастливым. Я же добросовестно выполняю все эмигрантские заветы: живу у черта на куличках, кормлю остатками обеда тараканов, провожу каждый день в сабвее по паре часов, отказываю себе во всем, — в чем проблема? Эти слова едва не соскользнули с моего языка. Если я проговорюсь Алексу, думал

я, что уже неоднократно плавал на «Титанике», он с меня точно не слезет, втопчет меня в грязь, а потом мне и жить здесь не захочется. Надо молчать и выведать все про значение сна.

— Почему город горит? — спросил я Алекса.

— Да ты, похоже, уже успел поплавать на «Титанике», — сказал он, прищулив глаза. — Иначе что ты так интересуешься, а?

— Просто, — робко ответил я, — интересно.

— Интересно, — повторил, бормоча, Алекс. — Ты пытаешься освободиться от родины. Горящий город тебе покоя не дает, тащит обратно.

— Как себя от таких снов оградить? Есть лекарство?

Алекс глубоко и протяжно вздохнул, а потом ответил твердо:

— Нет. Для этого надо родиться счастливым человеком у себя на родине, понял?

— Понял.

— Вот ты счастливый человек, — сказал Алекс с грустью, — потому и не видишь. А я — нет. Но у тебя все впереди!

Вместе с ним загрузил и я. Вспомнился облезлый потолок бруклинской квартиры, злые и дотошные соседи, уставшие от беспросветной эмигрантской судьбы, сухие макароны и глянцевиные тараканы, величиной с грецкий орех. Кстати, надо купить новую зубную щетку, а то старая совсем измучилась — рвет десны в клочья. Эх, вылечить бы зубы! Страшно представить, сколько придется мне отдать в будущем за остатки той трухи во рту, что досталась мне по наследству.

— Знаешь, — заявил я твердо, — я обману «Титаник».

— Каким образом? — рассмеялся Алекс.

— Я с него сойду.

— Как?

— Вот так. Возьму и сойду.

— Это невозможно, — отрезал Алекс. — Во-первых, во сне ты пешка. Во-вторых, все это происки ностальгии. Ее, насколько мне известно, еще никто не смог даже подкупить.

— Может быть, я буду первым, — с надеждой в голосе проговорил я.

— Мечтать не вредно!

Он подозвал все тем же щелчком пальцев официанта Костю, попросив счет. Костя рад был отделаться от надоевших ночных посетителей и принес счет, поставив скоростной рекорд. Я хотел вписаться в оплату счета, но Алекс не дал.

— Не надо, — сказал он и оттолкнул мою руку с баксами. — Это тоже ритуал. Когда-нибудь и ты будешь оплачивать счет. Я никогда за себя не платил, везде кто-то за меня. Но не сегодня, иначе я застряну здесь навеки, в страшных муках. Я ведь порядочная сволочь, ты даже не знаешь, с кем ты отужинал.

Одевшись, мы вышли на улицу. Алекс закурил, посмотрел в черное бездонное небо, на котором никогда не было звезд, и протянул мне рукав, из которого торчала красная клешня с желтым перстнем на мизинце:

— Ну, давай краба.

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Знаешь, а я ведь трус, — признался неожиданно Алекс. — Да, че уставился? Трус, потому что вляпался тут в историю...

Жалко его, славный малый, вот-вот слезы польются из глаз, — не хочет он отсюда уезжать, сопротивляется. Алекс оглядел мокрую улицу и закричал во весь голос:

— Прощай, дерьмовая клоака!

— Слушай, может, ты все выдумал? Ну, про «Титаник», про ностальгию, про историю?

— Все поймешь, — ласково отозвался Алекс и крепко сжал мои плечи. — Найду тебя в соцсетях через много лет. Уверен, ты будешь уже на родине. А теперь гудбай!

Он быстро поймал желтое пятно «форда», открыл заднюю дверь и прыгнул в черную бездну салона, пропав навсегда.

Я посмотрел на время: два часа ночи, пи-эм. Два часа пи-эм. Это значит, что надо ехать домой или бродить по аптауну до самого утра, пока не замерзну от промозглого утреннего ветра, приходящего сюда на прогулку с Атлантики каждое утро. Поеду домой, попытаюсь уснуть и, если приснится «Титаник», сделаю все возможное, чтобы не взойти на его палубу, не увидеть с нее горящую отчизну и не обнаружить себя впоследствии в океане. Я надеюсь, что буду первым, кому удастся обхитрить ностальгию. Если я все же поднимусь на борт «Титаника», у меня останется шанс сделать в его корпусе пробоину и пустить махину на дно, как сделал с ним некогда айсберг. Ну, а сейчас я пойду к станции сабвея, а по пути куплю зубную щетку за два доллара, самую дешевую и мягкую, потому что старая рвет десна.

...Я открыл глаза и увидел потолок бруклинской комнаты. С потолка свисали куски пожелтевшей от сырой старости краски. Почему я не родился счастливым человеком?

МОЯ ЛИЛИТ

Вашей эстонской душе от моего русского сердца

Меня разбудил шум с улицы. Сквозь маленькую оконную щель умудрялись просачиваться все мыслимые и немыслимые звуки просыпающегося весеннего города. Слух очень четко улавливал дрель с длинным и толстым сверлом, со всей силою и зверством врезаемым в картонную стену соседнего дома; лай искусанной бродячей собаки, забредшей во двор пару дней назад и, по всей видимости, прописавшейся здесь до конца весны; и стандартные вороньи истошные крики, вызывающие желание кинуть камень пожирнее в сторону тех деревьев, откуда крики доносятся. Так и начинается утро, вяло и нехотя стекая по настенным белым часам: тик-так, тик-так, тиик-тааак...

Мы с Лилит недавно вместе. Она — настоящая эстонка, островитянка, кремень-баба. Умеет, когда надо, быть супернежной, женственной и кроткой. А может и ногой топнуть, да так, что у соседей снизу люстра начинает исполнять под потолком неестественные пляски. Такое случается стабильно раз в месяц, когда у моей Лилит наступают невеселые женские деньки. Или когда мы спорим, например. Лилит презирует чужую точку зрения, особенно мою...

Лилит очень любит болтать со своей двоюродной сестрой, которая живет в Австралии. Разница во времени с Австралией колоссальная, поэтому беседы всегда происходят ночью. От этих бесед я скрываюсь в кровати, зарывшись в подушки, выплывая иногда на поверхность глотнуть воздуха, словно рыба. Я всегда делаю вид, что не слушаю их женские бла-бла-бла... Но клянусь, я могу пересказать все их беседы за последние несколько недель. Потом Лилит мне всегда рассказывает, о чем они говорили, а я молчу и киваю головой, будто слышу впервые. На пересказ Лилит тратит столько же времени, сколько на реальный разговор с сестрой.

А еще Лилит очень часто звонит ее бывший парень, с которым они прожили вместе ровно десять долгих лет. Я всегда знаю, когда он звонит. Лилит вся выпрямляется, подтягивается и становится по стойке смирно, будто звонит какой-нибудь высокопоставленный чиновник и решает судьбу моей маленькой девочки. Но это не чинов-

ник, это всего лишь ее экс-бойфренд, какой-то там офисный служака. После разговора с ним моя маленькая Лилит долго смотрит в окно и о чем-то сосредоточенно думает.

Лилит пьет много воды и не лечится лекарствами, когда болеет. Предпочитает отлежаться несколько дней дома, выхаживая себя американскими сериалами на Нетфликсе, пароль от которого ей подарила подруга, и книгами финской писательницы Туве Янссон. Страшно представить, сколько раз она их читала. Знает все сказки наизусть, часто их цитирует. Еще иногда почитывает Стивена Кинга. Никогда не дочитывает до конца его романы, но очень смеется над несмешными местами. Тычет мне книгой в лицо и говорит:

— Смотри, как смешно!

Лилит, моя дорогая, нежная кремень-баба Лилит, не смешно...

Лилит носит очки в стильной роговой оправе. Да что там говорить, вся семья Лилит носит очки, у них это семейная традиция. Лилит ненавидит линзы и отказывается от операции на глаза. Впрочем, я ее без очков слабо представляю. Две недели назад встречал Лилит с поездки на родной остров и не заметил, как она вышла из автобуса. Оказалось, что Лилит на секунду сняла очки, чтобы «проветрить» глаза, как она сама потом выразилась. Без очков я вижу Лилит лишь по утрам. Но утро — особое время, когда многого не замечаешь. Поэтому аккуратнее, моя Лилит, я тебя в толпе без очков могу потерять.

Лилит работает в банке. Ведет какой-то иностранный отдел, где основной язык — английский. Должность очень серьезная, ну и зарплата, соответственно, тоже. Домой после работы Лилит приходит уставшая и подолгу борется со своими ботфортами в коридоре, пытаясь с первого раза расстегнуть неподдающуюся молнию, смешно ругаясь при этом английскими словечками. Она еще долго может говорить на английском, когда приходит домой, — у нее это происходит на автомате. Лилит мечтает бросить свою работу в банке и заняться дизайном одежды, открыть в модном районе нашего города свой фирменный магазин.

Каждое воскресенье Лилит ездит в приют для бездомных животных и ухаживает за ними: чистит клетки инвалидов енотов, выносит за ними невыносимое, расчесывает и гладит облезлых котов, выводит стаю сиротливых псов гулять к морю. Животные без ума от моей Лилит. Домой она приходит вся в шерсти, и от нее невыносимо пахнет. Моя Лилит, ты скоро превратишься в собачку и убежишь от меня в стаю. Как я проживу без тебя лето, а потом осень и зиму, моя Лилит?

Раз в месяц, чаще всего по пятницам, Лилит уходит с подружками в ресторан. После ресторана подружки идут в клуб. Это у них традиция такая. Лилит отключает телефон, чтобы ее никто не беспокоил (имеется в виду я), и пускается с подружками в ночное путешествие. Тогда моя Лилит на некоторое время становится не моей. Нет, совсем не то, что вы подумали. Дело не в выключенном телефоне — дело во мне, в моей глупой ревности к моей Лилит. Я рисую страшные картины в своем больном воображении, становлюсь тем самым брошенным блохастым псом, которого Лилит расчесывает по воскресеньям в приюте. Сперва мне рисуется картина с огромным шоколадным стриптизером, который развлекает всю пьяную команду подруг. Потом я вижу полуголую Лилит в туалете ночного клуба, окруженную развратом и похотью. Причем похоть лапает мою Лилит во всех мыслимых и немыслимых местах. Ох, как тяжело переживаю я. Звонить — не звоню, писать — не пишу, некуда. У нас же современные, доверительные отношения.

Лилит без ума от кружева. Я же подыхаю от этой безвкусицы, но преданно исполняю роль любителя допотопного женского белья, которое носили еще динозавры, первые неандертальцы и наши мамы, тети, бабушки. Лилит заходит в магазин, выбира-

ет, что ей понравилось, подмигивает мне, мол, нравится тебе? Я утвердительно киваю головой в ответ, достаю мятые купюры из кармана, расплачиваюсь и забираю в красивом бумажном пакете так мною не любимое, допотопное кружевное женское белье. Дома я оцениваю примерку по пятибалльной шкале. Конечно, вкус моей Лилит не может быть плохим, поэтому оценка всегда одна — пять. Если я влеплю четверку или, хуже того, тройку, меня ждет наказание: я останусь без ласки Лилит всю следующую неделю.

Я нашел Лилит на просторах Интернета. Ее симпатичную мордашку я не мог пропустить в Тиндере и, конечно, лайкнул. Сперва Лилит затерялась среди многочисленных фотографий одиноких женщин. Но потом решила написать мне первая, что, по ее словам, никогда не происходило (я слышал это так часто от самых разных женщин). Я не сразу ответил. Прошло какое-то время, прежде чем я оказался в уютной маленькой квартирке маленькой Лилит.

— Я рада, что ты наполовину русский, — говорила мне Лилит в нашу первую ночь. — Мне нравятся русские мужчины. Моя мама говорит, что мой будущий муж обязательно будет русским.

Не скрою, что меня ее слова опьянили и обнадежили одновременно. Я почувствовал себя рыцарем на белоснежном коне, увешанным блестящими доспехами, с мощным мечом в руке, готовым покарать любого, кто встанет на пути нашего эстонско-русского счастья. Но когда такие встают на пути, моя Лилит не позволяет мне размахивать мечом, встречая всех улыбкой и дружественными объятиями. Тогда я включаю режим невидимки и исчезаю на некоторое время из ее жизни. Так может длиться от одного дня до целой недели, пока Лилит не отыщет меня сама. Она звонит мне, справляясь о моих делах, и я понимаю, что пора возвращаться. Такие паузы возникают автоматически, но очень хорошо освежают наши отношения. Она становится более внимательной ко мне, с огоньком в глазах рассказывает про наши планы на будущее. Правда, в квартире Лилит после таких пауз пахнет чужим мужчиной, но я не придаю этому особого значения, ведь у Лилит множество родственников, которые знают о ее гостеприимности.

Жизнь с Лилит — это лотерея. Никогда не знаешь, что ждет за следующим поворотом. Сейчас она лежит рядом, гладит мои грязные волосы своей тонкой, белой рукой и улыбается той самой редкой улыбкой, какой восхищались даже самые мрачные поэты прошлых лет. Я не поэт, улыбкой восхищаться не умею, но точно знаю, что следующим шагом моей неугомонной эстонской девочки может быть тонна ядовитой смеси, которую она выльет на меня и даже не моргнет глазом. При этом ее редкая улыбка на лице будет сопровождать и это действие. Но я молча отмываюсь от смеси и делаю вид, что ничего не произошло. Наверное, Лилит уважает меня за мою тишину и безмолвность. Иногда ей, правда, нравится дразнить меня и злить. И если я позволяю себе прикрикнуть на нее, она почитает это за награду и весело смеется, переводя все в шутку.

Лилит готовит прекрасные завтраки, когда у нее хорошее настроение. Надев на голое тело мужскую рубашку (не мою), она бегает по кухне на носочках и возится с кофейным аппаратом, успевая подогревать тосты и намазывать на них авокадо. Клянусь, до встречи с Лилит я ни разу в жизни не ел авокадо.

— Ты будешь вспоминать меня каждый раз при виде авокадо, — ехидно улыбается Лилит и протягивает мне аппетитный тост.

Я ем и балдею от безвкусия этого фрукта. Ест и балдеет от безвкусия фрукта и Лилит. И кажется, что мы оба счастливы.

— Послушай, — спросила меня как-то за завтраком Лилит, — а ты удалил Тиндер?

— Да, — честно отвечаю я.

— А ты? — спрашиваю после некоторой паузы.

— Я еще не успела, — улыбается в ответ моя маленькая Лилит.

В середине весны, в самый ее разгар, Лилит подарила мне свои самые ненужные трусики милого мышинового цвета, с рисунком в виде примитивных ромбиков. Она их нашла на дне корзины с грязным бельем. Единственные бескружевные в ее коллекции. Положив трусики во внутренний карман своей куртки, гордый и довольный, я расхаживал по весеннему городу, заглядывая в бледные лица прохожих. Подумать только, в моем внутреннем кармане есть настоящие трусики моей маленькой Лилит, а эти лица об этом даже не подозревают. Лилит дала мне возможность немного почувствовать себя настоящим ее любовником. Клянусь, в тот момент я себя именно так и чувствовал. Еще я хотел быть полноправным хозяином моей Лилит. Хотел...

— Почему ты все время такой агрессивный? — спрашивает меня Лилит.

В ответ я только пожимаю плечами. Зато все следующие дни я выдавливаю из себя хорошего парня. Медленно выдавливаю, по капле. Меня хватает на несколько дней. Потом Лилит опять задает мне тот же вопрос, и я заново начинаю кропотливую работу над собой. Странно, меня в Лилит все устраивает.

Вот мы в который раз лежим на кровати. За окном в который раз просыпается весенний город. Лилит лежит на боку и смотрит на мое заспанное лицо. То же делаю и я. Прекрасное весеннее утро, наполняющее меня изнутри простым человеческим счастьем, за которым на протяжении многих веков охотятся люди. Всю ночь я оставлял на Лилит следы своего пребывания. Я смотрю на милое, ехидное лицо и строю будущие планы, где Лилит отведена главная роль. Скоро я улетаю в Америку и не увижу мою Лилит несколько недель. Зато я привезу ей кучу красивых подарков, с самолета побегу на последний трамвай и сразу поеду к ней, на пороге квартиры обхвачу ее маленькое эстонское тело своими сильными русскими руками и подниму его высоко вверх. А потом... а потом расцелую тебя всю, Лилит, — и мы вместе уснем на твоей маленькой, скрипучей кровати, которую тебе подарил брат и которая вот-вот развалится от наших ночных путешествий.

Но вот пугающе завибрировал телефон, моя Лилит вяло поднимает его с пола, внимательно смотрит на экран, затем резко вскакивает и убегает в ванную, плотно закрыв за собою дверь. Я провожаю ее взглядом и отворачиваюсь к стенке.

— Опять он позвонил, — обращаюсь я вслух к белой стенке.

Стенка молчит. Стенка еще, наверное, спит. А весна тем временем обжигает, как крапива: больно и неожиданно.

Р. S. Месяц назад Лилит сделала очередную паузу. Я ждал звонка, признаюсь. Хотел позвонить первый, но не решился. Так прошла целая неделя, и от тотальной безнадёги я отчалил к берегам неразборчивых связей. Там я шатался несколько недель и окончательно убедился в том, что моя маленькая эстонская Лилит уже не моя и больше никогда не позвонит своему русскому другу, который в первый день знакомства заботливо стирал зеленый лак с ее розовых ногтей.